

Эльвира Филипович

**БРАТЯ НАШИ
МЕНЬШИЕ
И МЫ САМИ**

Эльвира Филипович

Братья наши меньшие и мы сами

«Издательские решения»

Филипович Э. Г.

Братья наши меньшие и мы сами / Э. Г. Филипович —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742959-1

Книга представляет собой сборник рассказов и эссе об отдельных эпизодах, нередко забавных и поучительных, из жизни животных, домашних и диких, а также людей, находящихся с этими животными в контактах, иногда довольно тесных. В основе каждого сюжета — фактический материал: наблюдения автора или рассказы близких ей людей. Читатель не перестает удивляться понятливости и умению четвероногих и пернатых существ выразить человеку свои чувства признательности или антипатии.

ISBN 978-5-44-742959-1

© Филипович Э. Г.
© Издательские решения

Содержание

Пока я здесь живу	6
Спаситель	9
Оперируется кошка	10
Погодка	12
Верблюд и Лешка «Бармалей»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Братья наши меньшие и мы сами **Эльвира Григорьевна Филипович**

© Эльвира Григорьевна Филипович, 2016

Корректор Любовь Васильевна Богомолова

ISBN 978-5-4474-2959-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пока я здесь живу Корова-пензионерка и дед Василий

Деревня Васьки когда-то была многолюдной, славилась грибами, хорошей рыбалкой и раками. Девушки там были веселые и голосистые, а парни через одного балалаечники или гармонисты. Однако с тех добрых пор много утекло времени, народу в деревне поубавилось. Парней и молодых мужиков побил война да водка. Девушек и женщин одолевала печаль да заботы, тоска по несбывшемуся женскому счастью... Уезжали васьковцы из родной деревни в Сибирь на стройки, на Крайний Север, на Дальний Восток, тоже и в города Подмосквовные, а дома свои, с резными ставнями, с русскими печами да лежанками с приделанными возле домов уютными хлевами для скота, оставляли на волю Божию, накиннув лишь цепочку на двери с висячим замком... В конце восьмидесятых, когда страну скручивали судороги перестройки, оставалось в Васьках всего три дома, где топили печи, пекли и варили. Жили там две упрямых бабули: не захотели ехать в город, чтобы на всем готовом пребывать у своих взрослых детей. И жил старый одинокий дед.

Бабули – две Марьи – лет уже за 70 каждая и того же возраста дед Василий, жили в разных концах деревни, однако виделись меж собою каждый день. Было промеж них уговорено: кто раньше проснется, тот ходит по жилым домам здравствоваться. В морозную погоду не ходили, смотрели только, идет ли дым из трубы. Идет – значит жив хозяин.

С весны деревня оживала. Первыми приезжали рыбаки на рыбалку, свои же васьковцы. Следом ехал народ пришлый – фотографы да художники, любители русской красоты весенней. В Васьках с его старыми прудом и мельницей да сплошь поросшей березками причудливой белокаменной развалины бывлой церкви красоты было столько, что хоть целую галерею картинную открывай.

К этому времени у обоих Марий телились коровы, и первые приезжие, свои и пришлые, имели возможность наслаждаться вкусом настоящего коровьего молока, которое было здесь от обилия витаминов слегка оранжевым.

А когда земля, напитавшись влагой и набравшись весенним солнцем, неслышно выталкивала из себя сочную зелень, тогда в деревню устремлялись целые семьи, с детьми, со стариками и, главное, семенами и саженцами. И снова, как в далекие былые времена, из каждого подворья слышен был ценькот ведер, лопат, серпов и кос, пронзительные возгласы детей и озабоченный говор взрослых... Деревня сеяла, сажала картошку, втыкала в разрыхленные пролитые лунки рассаду помидоров и капусты... А в наскоро отремонтированных сараюшках и хлевах уже пищала, крикала, кудахтала и хрюкала вновь приобретенная быстрорастущая живность.

Обе Марии радовались обилию покупателей молока. Сюда пить натуральное коровье молоко привозили из города бледных ребятишек. И в обоих подворьях, которые с коровами, по утрам и вечерам разливали по бидончикам и банкам парное молоко, радовались полученной за молоко денежке: можно было нанять мужиков накосить и привезти сена, выкопать картошки, даже и починить избенку. А еще оставалось и на то, чтоб себя побаловать: конфетками да колбаской... И только на подворье деда Василия было тихо: его корова Марта «ушла на пенсию»! Говорили об этом с доброй усмешкой, однако с характерным движением указательного пальца у собственного виска.

Марта, с плоскими ребрами, проступающими сквозь темно-рыжую шерсть, лежала на соломе, понуро склонив сухую голову с большими облезлыми рогами и, моргая седыми ресницами, с печальной тихостью смотрела перед собой. Марта была старой и уже давно не ждала теленка. Вымя ее обдрябло болталось, когда, побуждаемая дедом Василием, она передвигалась

по заросшему низкой полынью двору. Тут же во дворе были изготовленные из необструганных жердей ясли с кинутым в них пучком присохшей травы или сена.

– И что ты, дед, мучаешься? – взывали к нему приезжие мужики. – Давно б уж на мясокомбинат сдал. Какую-никакую денежку бы получил. А то ведь одни с нею расходы.

И каждый раз деду Василию приходилось рассказывать о том, как в лихие послевоенные годы, когда не было на деревне ни тягла путного, ни мужиков, и пухли малые ребята от голода, эта самая Марта была и кормилицей и пахарем. Весь дом был на ней!

Дед Василий вернулся в родную деревню после войны не сразу... Лечился по госпиталям, потом – больницам. Был он болен редкой в то социалистическое время болезнью – туберкулезом. Потреблял дорогие лекарства, лечился на курортах. Ничего не помогало. В Васьки приехал помирать. Молоденькой соседке Аннушке наказывал похоронить его рядом с родителями. Больше не было у него никого. Однако, Аннушка, вдова по убитому на войне односельчанину, отстояла от смерти 28-летнего Василия. Поила коровьим молоком от этой самой Марты. Марта тогда отелилась первенцем. Молока было немного, но зато какое это было молоко! Василию сперва оно горьким казалось, полынью пахло. Не мог и стакана одолеть, потом, боясь огорчить Аннушку, одолевал больше. Пил молоко и чувствовал, как возрождалась в нем сила. И однажды весной, когда Аннушка решила перепахать огороды, свой и его, ставший уже общим, в плуг впрягли Марту, потому что все колхозное тягло, рабочие вола да негодные для службы в армии клячи предназначались лишь для работ колхозных. Марта послушно тащила тяжелую упряжь, а Василий шел сзади, помогая вытаскивать из вязкой земли то и дело застревавший плуг.

Вот тогда он впервые подумал, что не только женщины российские достойны лучшей жизни, но тоже и коровы, молчаливые добрые кормилицы и безотказные в работе.

Аннушка лучшей жизни не дождалась, простудилась на заготовке сена и умерла от воспаления легких. Василию наказывала беречь себя и корову. Наверное, и молилась Аннушка за Василия, верующей была. И Василий жил, и жила Аннушкина корова Марта. И оба старыми стали, когда из родного села все куда-то разбрелись да подевались.

Звали двоюродные внуки и деда Василия в город. Да отказался Василий, мол, не один ведь он, с ним заслуженная пенсионерка его Марта. В городе ее куда денешь? Да и корму для нее там нет. Люди втихомолку ухмылялись, дескать, дед Василий не в себе, однако же сами понимали, чья была правда, и помогали деду Василию заготавливать сено для его «заслуженной пенсионерки Марты»... Просто так помогали от души. Шутили: «После молоком отдашь!».

Прошло еще несколько лет, и коровы-долгожительницы Марты не стало. Дед Василий вырыл на пустыре за своим двором яму, соорудил могилку-холмик. Потом стоял, раздумывая, ставить ли крест на могилке. Решил, что не надо креста: не крещеная Марта. А посадил березку. Деревце принялось... Под его свисающими зеленым шелком ветвями любят отдыхать приезжающие в Васьки за русской красотой художники.

Моя хорошая знакомая, внучатая племянница деда Василия, однажды посетила Васьки поздней осенью. Избы в той стороне, где жил дед Василий, были уже заколочены в зиму. А у деда Василия в окнах горел свет и слышался знакомый голос:

– Твоя очередь ходить, Иван Иванович!

– А теперь ты, Семен Петрович. Та-ак!

– А нынче наш ход, тетка Муся! – В ответ мякнуло.

«Полон дом гостей!», – решила дедова внучатая племянница. Осторожно постучала и открыла незапертую дверь.

– Здравствуйте! – сказала громко всей честной компании.

В ответ что-то, твякнуло, мякнуло, зашипело...

– А-а! племянничка! Заходи, заходи, милая! – произнес дед ласково, поднимаясь от стола, на котором стояла керосиновая лампа и были разложены карты. А на лавке за столом чинно сидели «гости». Хотя это были скорее дедовы домочадцы.

– Знакомься! Это вот Семен Петрович! – сказал старик, указывая на стоящего на распластанных лапах по краю стола Гуся. Навстречу гостю гусь вытянул шею и, расправив крылья, громко зашипел.

– А это Иван Иванович, – продолжал дед представлять своих друзей. – Ну-ка, Иван Иванович, покажись девушке! – командовал дед.

Черный сильно лохматый пес, которого называли Иваном Ивановичем, умильно глянув на хозяина, тявкнул и энергично забил хвостом о лавку.

– А ты, Муся, что молчишь? – дед взял пушистую трехцветную кошку на руки, и та громко, на всю избу слышно, замурлыкала.

Племянничка между тем выложила на стол содержимое сумки: колбаски, сливочное масло, сгущенку... Для того времени (голодные 90-е годы) это было большим богатством.

Дедовы гости тут же проявили к девушке и ее подаркам живой интерес: пес радостно запрыгал и просительно заскулил, гусь захлопал крыльями и норовил схватить дедову племянничку за подол платья, а кошка, не переставая мурлыкать, протяжно мяукнула.

– Все, господа-ребята. Идите-ка вы погуляйте! Кыш! – сказал дед своим «домочадцам», выставляя их за дверь.

Желая в свою очередь побаловать племянничку, дед вынул из кухонного шкапика конфеты в яркой заграничной упаковке, положил на стол какой-то очень красиво упакованный пудинг, наконец, поставил баночку с цветастой наклейкой, где изображены были аппетитные огурчики в пупырышках. Дед Василий полюбовался на банку и торжественно произнес: «И все это прислано нам из Германии». И чуть поразмыслив, добавил: «А хорошо, что мы тогда, в 45-ом, не стали их добивать. Кто бы нам, голодным, теперь такую бы красоту прислал?»

Этикетками с этих баночек и коробочек была у деда Васи обклеена вся изба, не считая угла, где внизу сходились две деревянные лавки, а сверху на деревянной полочке строго висела одетая в потемневший оклад икона Пресвятой Богородицы с Младенцем. «Эдакую красоту надо сохранять!» – говорил он. «И еще надо помнить добро!» – поучительно сказал он будто самому себе, а потом, бережно сняв со стены старую-престарую балалайку, стал одну за другой пробовать струны и вскоре заиграл: «Во саду ли в огороде девица гуляла... Она ростом невеличка, сама белоличка-а».

Дальше слов дед, видимо, не помнил и тренькал на балалайке бодрую мелодию.

– Ну и чего ты, дедуня, дожидаясь в этой деревне? Один без людей тут пропадаешь, – спросила его внучатая племянница. – Шел бы к нам жить. Отец с матерью тебя зовут, уж так зовут...

Дед в ответ продолжал наяривать свое: «Во саду ли в огороде»... А потом отложил балалайку и как бы между прочим: «Пока я здесь живу и деревня жива. А мечта моя: чтоб возродилась деревня. Вот так, милая». И убежденно, словно молитву: «Да возродятся Васьки!»

Над деревней, освещая серые деревенские избы и причудливой красоты белые развалины церкви над прудом, висела полная луна и неслись от юга к северу легкие серебряные облака.

Спаситель

Живет у нас в поселке мужик. Зовут его Степаном, а промеж себя Спасителем прозывают. А мужик он самый простой. Трактористом работает, дома скотину обихаживает... Жена его, Клавдия, – в конторе, бухгалтером, сын, как и отец, на тракторе, а есть уж и внуки, дети старшей дочери. Ребята все на деревенских харчах, здоровые да румяные. Один Степан худощавый, жилистый, до работы жадный, до денег охочий. Подворье степаново хоть рисуй: и телок, и овечки, и поросята... Все накормленные, спокойные. Вот как-то зараз двоих боровков откормил он. Туши по восьми пудов каждая тянули. Это если не брать в учет головы да ноги, да печенки-селезенки. За эти туши, как их продать, столько закупить можно всего... Они с женой все уж наметили загодя, что покупать.

А пока что Степан эти туши подвесил на толстенные крюки, которые сам же и приделал к столбам, что подпирали дощатый потолок сарая. Над потолком еще было простору! До самой крыши почти соломой завалено. Тепло будет малым поросяткам. В углу один полуторамесячный уже хрюкал.

«Потом, как мясо продам, еще троих куплю. Вместе-то им спорее тело нагуливать», – рассудливо думал хозяин. Благодатно было на душе у Степана. Стоял и любовался работой своей: туши гладкие, чистые, окорока полные и шпик тонкий. Мясо – высший сорт. Долго торчать на рынке с таким не придется, раскупят враз. Уж и денежки ему рисовались, голубили душу десюнчики, полтинники, сотенные... Смачно, не торопясь, курил. Потом кто-то позвал. Заспешил в дом. И уж после, сидя за столом, услышал: «Гори-им!» Из сарая дым валил, чад. И слышался визг поросятчий. Он туда. Клавдия скорей мешок ему сует и вдогонку: «Тушу хватай мешком, а то не удержишь, склизкая...»

Только вбежал он в сарай, из-под крыши полыхнуло.

– Назад, Степан! Выходи-и! Счас обвалится! – кричали соседи. А Степан все не шел.

– Степа-а-а! – завывала жена.

Наконец, выскочил он. С мешком. Только без туши.

– Не снял мясо, не сдюжил? – участливо спрашивали мужики.

– И не снимал вовсе. Времени уж не оставалось. Вона с этим возжался, – ткнул Степан в тощий мешок. Заворочалось в мешке, захрюкало. Хрюшонок там был. «Впотьмах нашарил его, по визгу...», – объяснил он мужикам свою задержку в полыхающем сарае.

– В нем всего-то полпуда, а ты собой рисковал, – посмеивались люди. А жена вопила: «Горюшко ты мое, горе: полпуда спас, а шестнадцать огню оставил!»

– Так он, хрюшонок-то, живой, поди. Живую душу как не спасти? – угрюмо оправдывался Степан.

С тех пор и приклеилось ему прозвище это: Спаситель.

Оперируется кошка

Мой приятель Михаил Петрович – хирург. Его все уважают. Да и сам себе он цену знает. Берет, конечно, за операцию прилично, но, скажу вам, руки золотые. Бывают случаи, из кусков сшивается, человек будто заново рождается. Такому ничего не жалко дать. Но речь не о том...

В соседней со мной квартире живет старушенция, сгорбленная сморщенная...

Глянешь на нее – словно лист осенний, прошлогодний – вот-вот рассыплется, или ветер унесет. А на самом деле она еще ох и шустрая. Каждый день гулять ходит, и завсегда при ней пакетик с едой. Кошек бездомных кормить и собак. А у самой – одежонка вся обветшала, как у заправской бомжихи. Зато в квартире у нее аж четыре кота живут. Один кот – старый, под стать хозяйке самой, хромой, шерсть клочьями. Другие – молодые, упитанные, аж лоснятся. Их бабуле котятками подкинули, заморышами. Словом, кошек было у ней предостаточно. А тут, смотрю, она еще одну тащит. Стонет кошка-то, будто человек раненый.

– Что это с ней, бабуль? – спрашиваю.

– Машиной сбило.

А было так: кошка, не ее вовсе, чужая, под колесо угодила. Машина прошла, а она осталась на дороге, лежит и орет. Машины объезжают. Да ведь не все объезжать-то станут. Вот-вот с нее лепешка будет, и крику конец.

Бабуля нырь на шоссе и подняла кису. Машины остановились, пропустили ее...

– Нет ли у вас для нее лекарства, – спросила меня по-соседски.

Дал ей, что нашлось: аспирин, цитрамон... А кошка все орет.

Понесла ее старушка в ветлечебницу, а там вышел к ней дюжий мужик в зеленом халате и с красной мордой, назвался доктором. Прицеписто старушку оглядел. Видимо, желая отвяжаться, сказал, что кошке нужна операция, да сложная. А у них такие не делают, и нужно в город...

– Поеду!.. – удрученно и весьма решительно сказала мне.

– Бабуль, это ж тебе деньжищ станет!

– Ну и что ж. Усю пенсию, какая есть, отдам, только чтобы помогли. Господи, услышь молитву мою, – шепчет. – Жалко мне стало ее...

– Бабуль, у меня приятель – хирург. Попрошу, даст укольчик ей – она и... И не больно будет. И все...

А старушка это и понимать не захотела.

– Спаси! Спаси, родной, соседушко! Не дай околеть ей, твари Божией. А я, чай, заплачу.

Пошел я к приятелю. Так, мол, и так, есть кошка с перебитыми ребрами. Орет, будто человек. Очень бы надо было починить... Ветеринары отказались, мол, нету у них наркозу подходящего...

– Хм, а что хозяйка?

– Сказала, что ничего не пожалеет, все отдаст.

– Хм, тут подумать надо. – И сидел с полминуты молча. «Раз кошку хотят починять, значит деньжищ у людей... А им в больнице вот уж больше месяца зарплаты не выдают. Да и сколько там зарплаты той? А эти дамы с кисками для своих цац готовы посуду из чистого серебра покупать. А уж лакомят их. Детишки того не видят». – Так или примерно так думал мой приятель хирург.

Решил не тянуть. В тот же день сделал «окно» для «неотложного случая»... «Операция весьма ответственна», – сказал он на полусерьезе сноровистым сестричкам.

Те, конечно, понимали, что раз кошка, то уж это и в самом деле важно. Главное, денежно. Тут уж перепадет всем...

Работали со всею прилежностью. Кошке наркоз ввели, чтоб она спала, и копались в перебитых косточках больше часа. Наконец, все пригнали, вправили, сшили... Забинтованную, поместили в коробок, поставили на время в кабинет.

Теперь пусть хозяйка приходит забирать! Сидят, ждут даму. Михаил, приятель мой, даже побрился сверх очередного разу и сиял весь, лоснился. Руки потирал. Они у него крепкие, золотые руки! «Ладони мои к деньгам чешутся!» – шутил.

Наконец, приходит старушоночка моя, стеснительная. У порога жметя.

– Вон киса ваша! Починенная. Кстати, как зовут-то ее?

– Не знаю, – отвечает, – не моя она.

– А чья же?

– Да кто ж знает. Мало ль их сейчас Божьих-то тварей, брошенных. Счас жизнь такая. Ну а вам, говорит, спасибо, родные. Вот пенсию получила, – вынимает из глубокой сумки тощий кошелек, – заплачу, сколько надо.

– А много ль пенсии?

– Сто восемьдесят девять. Все тут.

– Сто восемьдесят девять, – три кило колбасы, ежели не самую дорогую брать, – раздумчиво произносит мой приятель. – А мы только за наркоз истратили... Знаете, сколько стоит наркоз?!

Вижу я, Михаил смотрит на мою соседку, старушоночку, ошалело, быком смотрит, щеки аж запылали, а потом рукой махнул, да как заржет... И девчонки-медсестры давай смеяться. Аж у всех слезы на глазах повыступили. И бабуля улыбается, блаженно, словно дитя. Осторожно гладит кем-то брошенную и «починенную» кошку...

– Буду за вас, докторов, Бога молить! – говорит бабуля.

Понял все Петрович. Однако не осерчал, ни на старуху, ни, даже, на меня. А после про этот случай любил порассказать.

Погодка

Она была темно-рыжей масти, небольшого роста, но с прямой спиной и бодро вскинутой грациозной головой с небольшими округленными вовнутрь рожками. Когда хозяин дома Александр Васильевич, спешно снятый с брони (по возрасту), уходил на фронт под Сталинград во главе отряда безусых курсантов, Погодка ходила третьим телком. Молодая, молочная, надежда всей семьи.

Прощаясь, отец вытер нам длинным холщовым полотенцем зареванные лица, провел шершавой ладонью по головам, а Горку по плечам похлопал, будто большого:

– Ты, Горка, остаешься заглавный мужик в доме. Славка еще бесштанник, а тебе уж двенадцатый годок. Мать береги, храни корову, – отец показал на меня и Славку: – Об них старайся. Будь хозяином!

Потянулись холодные зимние дни, долгие темные вечера. Мать топила печь, варила затируху из просяной шелухи, смешанной с серой остистой мукой, пекла лепешки, а горсти двести кидала в большой чугунок – это пойло для коровы Погодки. Только для кошки Муськи не было ничего. И мыши давно перевелись.

Утром мать трясла Горку: «Вставай, снеси Погодке пойла, соломки дай!».

Горка важно сопел, неспешно наворачивал на ноги обмотки, натягивал взрослые сапоги. Шумно выходил из избы.

Мы со Славкой соскакивали с печки, быстро засовывали босые ноги в широченные валюшки и выбегали на крыльцо. Жадно смотрели в утреннюю муть. Дальше нас Горка не пускал, чтоб валюшки в снегу не утерали. А нам очень хотелось посмотреть на Погодку. Мать сказала, что весной у ней должен быть теленок, а скоро весна. Уже над крыльцом нависали окостеневшие за ночь сосульки. Но в хлев Горка ходить не велел: «Только Погодку беспокоить, и так вон ревет все время». Корова мычала надрывно, словно жаловалась на что. В сенях свистел ветер, по-зимнему щипало морозом...

Прозябнув, мы бежали на печку греться. Здесь, на просторной теплой лежанке мы проводили почти все время. А еще жили на печке двое ушастых котят на тонюсеньких ножках и совсем плоская, словно шкурка да голова с ушами, кошка Муська. Когда она окотилась, мать и Горка велели котят утопить, и мы бегали к речке. Вода была студеная, кое-где к берегу уже лепился ледок. Ветер леденил сквозь все наверхенные кофты, а в руках у нас шевелились живые комочки. Страшно бросать таких, теплых, и мы прижимали их к себе, а потом принесли назад в избу, на печку. У Муськи молоко вскорости пропало, котята ее уже и не теребили, зато нас не оставляли в покое.

– И чего же вы их тогда не утопи-или! – причитала мать. – С утра орут, окаянные! Эй, Славка, Верка, чего это они прямо в рот вам тычутся?

– Это они, мам, слюней просют. Мы их слюнями кормим...

Когда первые лучи желтым зайчиком вспрыгивали к самому потолку и оранжево высвечивали почерневшую божницу, матери уже дома не было. Вместе с другими бабами она шла заготавливать лес, лопатить семена, чинить телеги, латать мешки. Работы хватало дотемна. А Горка хозяйничал, «воспитывал» нас. Он вынимал чугунок из печи и ставил затируху на стол. И командовал:

– Эй, вы, слазьте!

Мигом соскакивали мы и устремлялись к дымящемуся чугунку.

– Помойте сперва свои рожи!

Не обуваясь, выскакивали мы на крыльцо, плескали друг дружке воды из ковша и скорее садились за длинный выскобленный стол, на котором уже стояла миска и рядом две ложки. Третьей Горка уже работал. Ложка стучалась об дно и стенки миски – это Горка выгребал гущу.

– Умылся? – запихивая в рот полную затирухой ложку, справлялся он. – Теперь расчитесь!

Наконец, Горка тяжело отдыхивал, бросал свою ложку на стол и важно говорил:

– Ну, я пошел по хозяйству, а вы оближите чугунок, да опосля чтоб помыли его. Ты, Славка, не вздумай плясать по избе, на печке сиди! А ты, Верка, на родник сходи по воду. И дров принеси!

Я согласно кивала головой, а потом, как только он за дверь, кидалась к чугунку. Славка уже «лизал» свою половину. А я свою в глиняную мисочку соскребла. Потом, проглотив ложки три, сделала над собой невероятные усилия, чтобы не съесть все, а оставить еще и Бабочке (так я свою бабушку называла). Она к весне ослабла и почти не вставала с постели. И Горка, раз она к столу не шла, велел ее не кормить...

День за днем прошла зима. Растопил апрель снега, умягчил землю, и вот уже из нее полезла травка. Нежная, еще совсем короткая, но уже отчаянно щиплют ее выпущенные на длинных веревках, исхудавшие за зиму козы; мычат, завидев зелень, стоящие на дрожащих широко расставленных ногах, иссохшие до позвонков коровы.

– Ну что, Горк? Хозяин ты мой, – ласково и уважительно глядя на старшего сына, сказала мать. – Дожили, слава Богу, до зеленей. Выводить надо Погодку. Небось, уж и корму нет.

– Что ты, мам, у нас еще полсеновала. Я ведь экономил ее, солому-то. Чай, она, знаешь, дорогая какая. Я посчитал: за эту солому, что сэкономил, ежели продать выгодно, так можно пинжак справить!

– А что ж Погодка?! Сынок! Что с коровой-то?

– Она сперва все мычала, а потом привыкла, смолкла.

Мать с минуту молча слушала, будто не верила, а потом как заголосит! Кинулась в хлев.

– Коровушка ты моя родная, что ж с нами ты, Горка, наде-е-лал!

Погодка лежала спокойно, понуро вытянув голову. Дали ей соломки – она лишь головой мотнула... Дали теплого поила. Мать, вся в слезах, принесла ей целый чугунок затирухи, тот, что нам сварила.

– Пей, ешь, родимая! Ах, горе, горе-то какое, кормилица ты наша! Вставай, милая, вставай!

Пришли бабы. Вчетвером подняли Погодку. На широких налыгачах поволокли на лужок, где влажно зеленела молодая травка и грело солнышко. Поставили прямо на траву: «Ешь, родимая!». Погодка с минуту стояла на трясущихся ногах, потом мотнула головой, дернулась и молча рухнула в мягкую зелень, а с нею и наши надежды на послушного смешного теленка, на теплое молоко.

Мать всхлипывала, тербила Славкины светлые волосы. Горка наклонил голову, словно бодался, высматривал что-то в траве. И тут вдруг двое наших котят. Совсем сплюсненные с боков, они, словно две блошки сюда неслись.

– У-у-х-х, дармоеды! Все равно утоплю-у!

– А вот и нет! Котятам не ты хозяин! – Славка все же скорее спрятал их себе под рубаху. – Mam, ты скажи ему, пусть котят не замает, и не плачь ты, мам...

– Чем же кормить-то я вас стану, сыночек? Без молока ведь бу-удем...

Славка исхудалыми руками обнял мать за шею, закутанную платком, старался заглянуть в глаза.

– Да мы выживем, мам, выживем! – Потом оторвался от матери, провел ладошкой себе по оттопыренной рубахе. – Они-то, мам, выжили без молока. А мы и вовсе, чай, люди мы. – Славка поднялся на цыпочки, изо всех сил потянулся кверху. – Мы и вовсе будем жить: Ангелы хранители с нами!

А котята громко мурлыкали у Славки за пазухой...

А Бабочка моя, по стеночке, по стеночке, да и на крыльцо вышла, на солнышко...

Верблюд и Лешка «Бармалей»

Было это давно, когда прабабушки и прадедушки сегодняшних ребятишек тоже были детьми. Шла война, и к Волжской переправе гнали скот из Донских степей и Украины. В ожидании парома животных отгоняли в ближайšie от Волги деревни, в том числе нашу Соколовку. В сооруженном из толстых жердей загоне, сразу же за деревней, по нескольку часов, а иногда и дней, стояли измученные долгими перегонами племенные быки и коровы, козы, овцы и даже антилопы. А однажды пригнали верблюдов. Важные, неторопливые, с клоками желтой, засоренной колючками, шерсти и с приопавшими горбами, они вызывали у ребят живой интерес тем, что могли плевать.

– Васька! Верка! Славка! Тамарка! – кликал ребятишек Лешка, прозванный Бармалеем за неукротимую тягу к большим и малым проказам и шалостям. – Айда на зады (за деревней) верблюдов дразнить.

Забрались ногами на самую нижнюю ступень загона и стояли, сильно вытянувшись на цыпочках, касаясь подбородками самой верхней жерди. Рядом с Веркой, возвышаясь над нею почти на полголовы, торчал Лешка Бармалей. Рядом с ним, головою вровень с Лешкой – Тамарка. Все глазели на верблюдов, а те, кроме одного, на ребят никакого внимания. Глядя куда-то вдаль, они сосредоточенно жевали кинутую им прямо наземь белесую полынь, перемешанную с топырчатым перекасти-поле. И только один, огромный, со свалывшейся шерстью на поджарых ляжках, смотрел в сторону детей, будто стараясь понять, о чем они громко спорят, указывая на него руками.

– Смотрите, как я могу плевать! – хвастал Васька.

– А я еще дальше, гляди, – плюнул в сторону верблюда Славка.

– И все равно верблюд вас всех переплюнет, если захочет, – сказала Тамарка.

Но верблюд плевать явно не хотел и равнодушно смотрел на ребят своими задумчивыми глазами.

– Его надо раздражить, – важно заметил Лешка Бармалей. – И сейчас же стал отчаянно хрюкать, лаять, мычать и блеять. Верблюд стоял молча и так же безразлично, и даже, казалось, печально смотрел на детей. Тогда Лешка Бармалей стал строить верблюду ужасные гримасы: нижней губой касался своего носа, скалил зубы и клацал ими, мотал встрепанными рыжеватыми волосами, даже двигал ушами и не уставая высовывал язык.

Верблюд все казался равнодушным, и дети, скучая, уже хотели идти домой.

Вдруг, когда Лешка, не переставая плевать, еще и кинул камушек в сторону верблюдов, раздался короткий хрипок. Все лицо Лешки Бармалея закрыл верблужий плевок. Серозеленый, он залепил Лешке глаза и уши. Лешка заверещал и крутился на месте. Верблюд тем временем ринулся к самой оградке и с силой ударил своею узкой грудью о землю. Стоял бы там Лешка, худо бы ему пришлось... А верблюд, поднявшись с земли, даже не глянул на маленьких обидчиков и как ни в чем ни бывало присоединился к своим собратьям.

Лешке тем временем удалось с помощью полыни протереть глаза. И он, собравшийся было еще зло-презло подразнить верблюда, пошел догонять остальных ребятишек, которые, наслаждаясь созерцанием верблюда, бодро и без оглядки возвращались домой.

«Он у меня еще получит! Я ему так плюну! Завтра же!» – грозился Лешка, хвастаясь детворе. Однако дразнить верблюдов больше не пошел, хотя они стояли еще несколько дней за деревней.

А потом животных отогнали к переправе, и в Соколовке говорили, что тот паром, на котором переправляли верблюдов, попал под обстрел, и что верблюды все погибли. И все мальчишки и девчонки Соколовские горевали по верблюдам и с особой страстью пели песню, где были слова:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.